

УДК 81.373.611

ПОЛИ-/МОНОМОРФЕМНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОЛИМОТИВАЦИИ ДЕРИВАТОВ

С. К. Соколова

SIMPLICITY / COMPLEXITY OF THE MORPHEMIC STRUCTURE AS A DETERMINANT OF DERIVATIVES' POLYMOTIVATION

S. K. Sokolova

В статье развиваются идеи о системности полимотивации, которая рассматривается как стратегия речемыслительной деятельности носителя языка, направленная на раскрытие смыслового потенциала производного слова. На материале психолингвистического эксперимента доказывается положение о зависимости интенсивности проявления полимотивации от полиморфемности / одноморфемности производного.

The article develops the idea of the systemic nature of polymotivation. Polymotivation is seen as a strategy of subjects' speech activity aimed at disclosing the semantic potential of the derived word. The results of a psycholinguistic experiment proved the connection between the characteristics of polymotivation (weakening/strengthening of its intensity) and the structural features of derivatives.

Ключевые слова: полимотивация дериватов, поли-/моморфемность структуры дериватов, детерминанта речемыслительной деятельности.

Keywords: derivatives' polymotivation, simplicity / complexity of the morphemic structure of derivatives, determinant of speech activity.

Традиционно понятием полимотивации в словообразовании характеризуются случаи формально-семантического соотношения производного слова с несколькими производящими единицами, что свидетельствует о введении данного понятия в теорию словообразования еще в рамках системно-структурной лингвистики.

Распространение функционального подхода в языкознании позволило по-новому взглянуть на явление полимотивации. Так, в Кемеровской дериватологической школе в конце XX века разрабатывается когнитивная теория полимотивации, автором которой является П. А. Катышев. Полимотивация в рамках данной теории определяется как «стратегия речемыслительной деятельности носителя языка», направленная «на раскрытие смыслового потенциала словообразовательной формы» и осуществляемая «по принципу замены дериватемы множеством конкретизаторов, включенных как в одно, так и в несколько мотивирующих суждений» [5, с. 12]. Системное описание данного явления способствовало выделению основной и сопутствующих детерминант полимотивации (более подробно об этом в работах [3 – 7]).

Особый интерес представляет структурная детерминанта, изучение которой позволило сделать предположение о зависимости речемыслительной деятельности носителей языка от свойств структуры деривата; в частности, выявляется зависимость интенсивности полимотивации от агглютинативности / фузионности морфонологической структуры [11] и от степени членности производного [12, с. 131 – 136].

Одним из дополнительных факторов (по отношению к членности производного), увеличивающим возможность многократного использования созвучных по основе конкретизаторов при идентификации языкового знака, является такая характерная черта производного, как полиморфемность / одноморфемность его основы.

И. А. Бодуэн де Куртенэ ставил мотивационное расширение деривата в зависимость от одно-/мноморфемности его основы, указывая, что типичная для русского деривата мноморфемность отсылочной части требует «распыления» внимания на разных местах в середине основы [1, с. 320]. В диссертационной работе Э. С. Денисовой отмечено, что «одним из факторов системной упорядоченности единиц ментального лексикона, направляющего их поиск по линии исследования идентификационных процедур поверхностного / глубинного ярусов лексикона, является полиморфемность производного слова» [2, с. 260]. П. А. Катышев в качестве предпосылок полимотивации предлагает рассматривать в том числе и полиморфемность структуры деривата [5, с. 117].

Изучение связи полимотивации и структурно-семиотических свойств деривата осуществляется на экспериментальном материале (более подробно об этом в работах [8, с. 327 – 331; 9, с. 168 – 174]). С точки зрения одноморфемности / мноморфемности, использованные в эксперименте слова-стимулы (*красноголовник, девятильник, рекостав, свербигуз*) можно охарактеризовать, с одной стороны, опираясь на узуальное выделение в их составе некоторого количества морфем, а с другой – используя данные эксперимента (прим. автора: *при подсчете количества морфем не учитывалась флексия*). Примечательно, что относительно одних фитонимов эти данные совпадают, а применительно к другим – различаются. Производное *красн/о/голов/ник*, как по результатам узуального анализа, так и по данным информантов, включает в себя наибольшее количество морфем (2 корневые морфемы, 1 словообразовательный формант, соединительная гласная (интерфикс) = 4 морфемы). В отношении фитонима *медуница* наблюдаются некоторые расхождения: по данным морфемно-орфографического словаря А. Н. Тихонова основа фитонима *мед/ун/ица* состоит из 3 морфем [13], а контекстов, подтверждающих осознанность такого чле-

нения, выявлено не было. Производное воспринимается информантами как «двучлен», состоящий из отсылочной и формантной части. В состав производных *девять/ильник* и *рек/остав*, в соответствии с показаниями испытуемых, входят по 2 морфемы, хотя при узуальном рассмотрении можно выявить в составе фитонима *рек/о/став* – 4 морфемы: 2 корневые морфемы, соединительную гласную и нулевой суффикс, и в составе фитонима *девять/иль/ник* – 3: корневую, суффиксальную и усечение *-иль-*, оставшееся от корня *-сил-*, входившего в состав исходного производного *девять/и/сил/ник*, что отмечено в [10, с. 104 – 105]. Основа единицы *свербигуз* в работе В. А. Меркуловой рассматривается следующим образом: «свербигуз – это старое сложение глагольной основы *сверби-* с именем *гуз*», в подтверждение чему приводятся слова, образованные по той же модели: *сорвиголова* и одноструктурные оценочные имена: *ленгуз* «лентяй», *боягуз* «трус» [10, с. 81]. Соответственно основа производного состоит из 2 морфем: *сверби-* и *-гуз*, хотя данный факт подтверждается лишь единичными метатекстами.

При анализе связи полимотивации с рассматриваемой структурной характеристикой производных были выявлены некоторые закономерности.

Так, полиморфемность производного *красноголовник* и, прежде всего, вычленяемость двух корневых морфем дали возможность участникам эксперимента выбирать ту из них, которая, по их мнению, способствует описанию фитонима. Так, выделяются реакции, в которых был актуализирован корень *красн-*:

Следующее, с интересным названием растение – красноголовник. Называется так потому, что имеет несколько маленьких красненьких шишечек и используется в декоративных целях.

Отмечаются тексты, в которых в качестве мотивирующих выступают однокоренные слова к корню *-голов-*. Нужно отметить, что при этом может актуализироваться как первое значение данного корня (см. пример 1), так и второе (см. пример 2), а также встречаются тексты, в которых одновременно мотивирующим выступают однокоренные слова и к первому значению корня *-голов-*, и ко второму (см. пример 3).

(1) *Красноголов/ник: красноголовн/ик* конкретизируемое ← {головная боль: болит <то, что связано с> головой} конкретизирующее.

Красноголовник! Не может быть! Я не видела его уже много лет. А вы знаете, что это растение имеет древнее происхождение. Как вам я уже сказала, они для меня представляют интерес, как лекарства. Ну значит так, если вас мучают головные боли, болят глаза, уши, в общем все, что связано с головой, как изнутри, так и снаружи, то красноголовник – это самое верное средство...

(2) *Красноголов/ник: красноголовн/ик* конкретизируемое ← {красные головки: головок еще нет: кончики стебля краснеют} конкретизирующее.

Красноголовник – это растение полностью зеленого цвета, кроме красных головок на кончиках стебелька. Листья вытянутые, с зазубренными боками. Весной, когда красноголовник начинает расти, голо-

вок еще нет, но в середине лета кончики стебля краснеют.

(3) *Красноголов/ник: красноголовн/ик* конкретизируемое ← {красная головка: <помогает> избавиться от головной боли} конкретизирующее.

Красноголовник – это удивительное растение. Он растет только в самой гуще леса. Он очень полезен и очень опасен. Красная головка этого растения очень полезна. Она поможет за очень короткое время избавиться от головной боли. Но листья этого растения очень ядовиты. Чтобы сделать лечебный отвар нужно: отрезать головку, погрузить в кипящую воду и варить пять минут.

Примечательно, что привлечение конкретизаторов к корню *-голов-* во втором значении способствует актуализации и первой части этого сложного производного (во всех контекстах при использовании однокоренных конкретизаторов со значением «вершина растения» обязательно включались основные конкретизаторы к корню *красн-*).

Так как фитоним *медуница*, несмотря на возможность выделения в его составе трех морфем (*мед/ун/ица*), воспринимается информантами как производное, состоящее из двух морфем, то правомерно объединить его в группу со словами *рекостав* и *девятильник*, основа которых также состоит из двух формально выраженных морфем. При анализе параметра полиморфемность / одноморфемность эти слова занимают (по данным метаязыкового сознания носителей языка) промежуточное положение между производными *красноголовник* и *свербигуз*. Выделение в составе производных двух частей: отсылочной и формантной позволяет испытуемым при их идентификации использовать, с одной стороны, единицы, которые полностью или частично воспроизводят отсылочную часть слова-стимула (основные конкретизаторы), а с другой – конкретизаторы, полностью или частично воспроизводящие формантную часть слова-стимула (формантные конкретизаторы), что подтверждается следующими примерами.

Мед/уни/ца конкретизируемое ← *мед* конкретизирующее

Еще одно растение – медуница, называется так потому, что имеет своеобразный, похожий на мед, запах. Еще это растение имеет лечебное свойство: оно используется для заживления ран и обезболивания.

Девятиль/ник конкретизируемое ← {тысячелистник + девять} конкретизирующее.

Девятильник – мне кажется, это цветок по виду похожий на тысячелистник, может быть у него девять лепестков.

Рек/оста/в конкретизируемое ← *река* конкретизирующее:

Вот такое растение, как рекостав называется так по своему местоположению: это растение располагается на берегу реки и может расти только вблизи водоема, этому растению необходим влажный климат.

Реко/ста/в: реко/став конкретизируемое ← {река: настаивать: настой: самостоятельно: сустав} конкретизирующее:

(1) *Рекостав* – это невысокая трава, произрастающая у берегов *рек*, в болотистой местности. Как размеренное течение *реки*, *рекостав* помогает от болезней сердца. И особенно эффективно действует, если *настаивать* вместе с *свербигузом*. Эффект просто колоссальный особенно у маленьких детей, если с раннего детства лечить настоем этих трав, то у некоторых детей с врожденным пороком сердца недуг отступает. А откуда произошло такое название этого растения, даже сама Аграфена не помнит, а значит и вряд ли кто вообще.

(2) А это кусты, сторонящиеся других растений и растущие самостоятельно – *рекостав*. Он очень полезен при болезнях суставов, костей.

Как видим, в случае с производным *медуница* актуализируются основные конкретизаторы, при идентификации фитонима *девятильник* возможно привлечение как основных, так и формантных конкретизаторов, а при раскрытии языкового образа *рекостав*, помимо использования единиц, полностью или частично воспроизводящих отсылочную часть слова-стимула и имеющих при этом синхронные связи с производным, наблюдается использование диахронных конкретизаторов. То, что производное *свербигуз* также состоит из двух морфем, практически не способствует привлечению основных конкретизаторов в силу низкой осознаваемости морфем, содержащихся в структуре производного.

В зависимости от того, какие языковые средства были выбраны для раскрытия языкового образа, можно говорить о реализации различных стратегий в рамках каждого отдельного дискурса. Так, при использовании анафонических конкретизаторов, актуализирующих основу производного, т. е. при обращении к основной анафонии информантами задействовались две разные стратегии: полимотивация и мономотивация (данный тип стратегии устанавливается по определенному основанию – по частоте обращения к одному и тому же ассоциативному типу). При этом поли-/мономотивация может сопровождаться использованием собственно анафонических конкретизаторов или же конкретизаторов, интенсифицирующих формантную часть производного.

Результаты анализа показали, что увеличение количества морфем, с одной стороны, дает продуцентам определенную свободу выбора подходящих для раскрытия языкового образа конкретизаторов, а с другой – четко регламентирует тот набор мотивирующих, которые способны интенсифицировать дериватему в тексте. При этом многоморфемность деривата в совокупности с другими факторами (прежде всего агглютинативностью морфонологической структуры и высокой степенью членимости производного) влияет на интенсивность использования полимотивации в дискурсивной деятельности информантов.

Анализ случаев множественной мотивации свидетельствует о том, что между формой и содержанием нет жесткого соотношения, поскольку при одном словообразовательном значении, обеспечивающем языковую репрезентацию лексической категории, деривационная форма может ассоциироваться с несколькими синтаксически независимыми пропозициями, а одна пропозиция может воплощаться в словообразо-

вательную форму через несколько словообразовательных значений [5].

Приведем примеры использования данной стратегии относительно каждого слова-стимула.

Красн/оголовник конкретизируемое ← {красные головки: головок нет: <головки> краснеют} конкретизирующее.

Красноголовник – это растение полностью зеленого цвета, кроме *красных* головок на кончиках стебелька. Листья вытянутые, с зазубренными боками. Весной, когда *красноголовник* начинает расти, *головок* еще нет, но в середине лета кончики стебля *краснеют*.

Комментарий. В данном примере обнаруживается трансформация суждений, в которых актуализируется как первая, так и вторая корневая часть фитонима: *нечто имеет/не имеет красные головки* <=> (прим. автора: *данный знак означает отношение трансформации*) *нечто имеет часть, которая краснеет в определенное время*, что является проявлением принципа гетерогенности.

Медуница конкретизируемое ← {собирают мед: хранят мед: берем мед} конкретизирующее.

Медуница – это лечебное растение. У этого растения пчелы собирают *мед*, а потом они этот *мед* хранят в ульях, и мы все оттуда берем *мед* и употребляем его в пищу, чтобы не болело горло.

Комментарий. Последовательное разворачивание ситуации предопределяет использование самостоятельных суждений, находящихся в отношениях последовательности/одновременности (с точки зрения временных характеристик).

Десят/ильник конкретизируемое ← {с *девятью* листочками: через *девять* лет: от *девяти* болезней} конкретизирующее.

Десятильник – это растение с *девятью* неяркими желтенькими листочками. Цветет через *девять* лет после прорастания. Помогает от *девяти* болезней.

Комментарий. Информант актуализировал сразу несколько функциональных характеристик растения, что и привело к неоднократному обращению к основной анафонии.

Рек/остав конкретизируемое ← {растет у *рек*: стоит у *реки*} конкретизирующее.

Рекостав – трава, которая растет у берегов *рек*, озер, прудов. Она высокая, тонкая. Если на нее посмотреть, то кажется, что она гордится тем, что стоит у *реки* и может в любое время напиться вдоволь, и никакая засуха этой траве нипочем.

Комментарий. С одной стороны, можно наблюдать объективное описание растения (*трава, которая растет у берегов рек*), с другой – используется прием олицетворения, натурфакт наделяется способностью чувствовать (*кажется, что она <река>гордится*). Соответственно, в метатексте реализуются самостоятельные синтагмы, которые реализуют принцип гетерогенности.

Свербигуз конкретизируемое ← {подгузник: «под» «гуз»: *свербит*} конкретизирующее.

Ну, и самое последнее растение *свербигуз*. Слово *подгузник* как раз от него и произошло, то есть «под» «гуз». Бывало, постится русский человек в Ве-

ликий пост, а как закончится пост, нается до отва-
ла вкуснятины всякой, да так, что и обратно все
выйти не может. Вот тут-то свербигуз и помогал.
Выпьет его русский человек, да как выйдет в чисто
поле и **свербит** целыми днями; и от того хорошо и
приятно на душе.

Комментарий. В данном случае происходит актуализация обеих корневых частей дериватемы. Полимотивация реализуется за счет интенсификации второй корневой части -гуз через использование имплицативных суждений, что является проявлением принципа гетерогенности.

Следует добавить, что конкретизаторы, актуализированные в рамках данной стратегии, преимущественно находятся в конвергентных отношениях с конкретизируемой единицей, что нашло отражение во всех вышеприведенных примерах.

Таким образом, можно выстроить диаграмму использования полимотивации при раскрытии языкового образа исследуемых производных.

Так, по результатам эксперимента полимотивация использовалась в 44-х случаях по отношению к производному **красноголовник**, в структуре которого выделяется наибольшее количество морфем, в 21-м – по отношению к деривату **медуница**, в 11-и при идентификации фитонима **девятильник**, 12 раз – относительно производного **рекоста́в**, и всего 6 раз – **свербигуз**.

Однако данный фактор следует рассматривать как сопутствующий, дополнительный по отношению к такому свойству производного, как членимость, поскольку наличие нескольких морфем в составе основы не способствует мотивационному расширению деривата, как в случае с фитонимом **свербигуз**, если производное имеет низкую степень членимости.

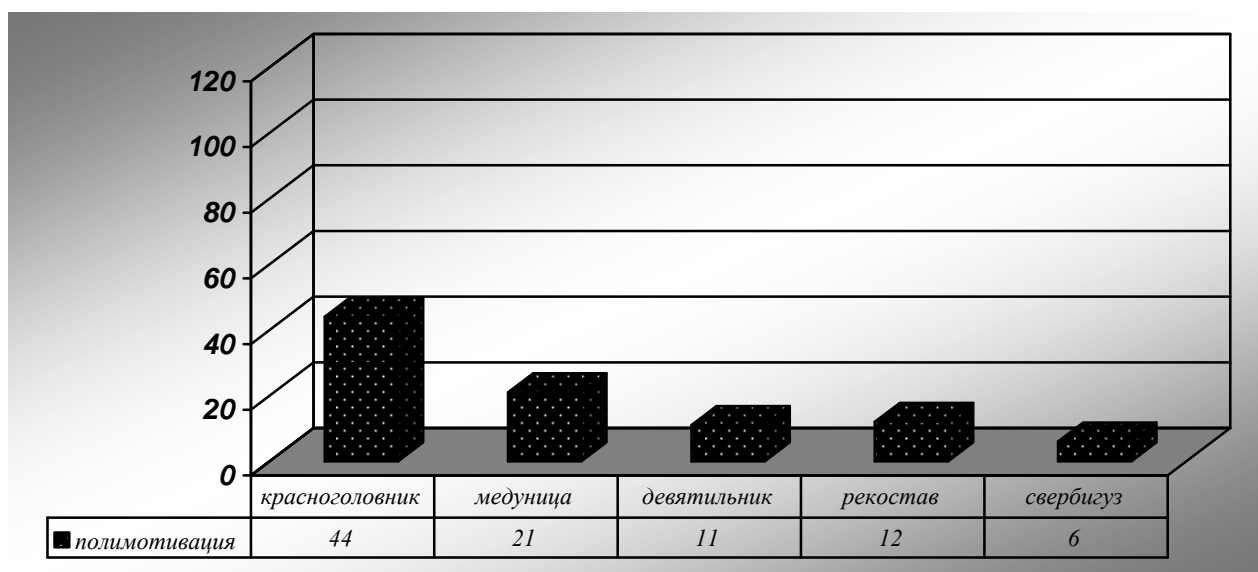

Диаграмма.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ.– М., 1963. – Т. 2. – 392 с.
2. Денисова, Э. С. Иконичность словообразовательной формы (на материале окказиональной деривации русского языка): дис. ... канд. филол. наук / Э. С. Денисова. – Кемерово, 2005. – 309 с.
3. Катышев, П. А. Полимотивация – проявление детерминанты русского языка (на материале дискурсивной деятельности носителей диалектного и русского языка) / П. А. Катышев // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2006а. – Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека. – С. 488 – 494.
4. Катышев, П. А. Полимотивация в свете системной лингвистики / П. А. Катышев // III Международные Бодуэновские чтения. - Казань, 2006 б. – Т. 2. – С. 59 – 61.
5. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 260 с.
6. Катышев, П. А. Полимотивированность деривата в системологическом освещении / П. А. Катышев // Язык в контексте гуманитарных знаний. – Великий Новгород, 2008. – С. 37 – 47.
7. Катышев, П. А. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики / П. А. Катышев, С. В. Оленев // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 191 – 199.
8. Катышев, П. А. Об экспериментальной методике идентификации языкового образа в дискурсивной деятельности носителей русского языка / П. А. Катышев, С. К. Соколова // Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. статей. – Вып. 4 / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011а.
9. Катышев, П. А. Источниковедческий аспект в контексте экспериментального изучения полимотивации дериватов / П. А. Катышев, С. К. Соколова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 4 (48).

10. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений / В. А. Меркулова. – М.: Наука, 1967. – 260 с.
11. Соколова, С. К. Агглютинативность / фузионность как структурная детерминанта полимотивации деривата / С. К. Соколова // Вестник Челябинского госуниверситета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009а. – Вып. 36.
12. Соколова, С. К. Степень членимости деривата как детерминанта полимотивации / С. К. Соколова // Сибирский филологический журнал. – 2009 б. – № 4.
13. Тихонов, А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 18 – 51.

Информация об авторе:

Соколова Светлана Константиновна – старший преподаватель кафедры стилистики и риторики факультета филологии и журналистики КемГУ, sokolova.82@list.ru.

Sokolova Svetlana Konstantinovana – senior lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.